

© 2008 г. И. А. СЕРЖАНТ

ОТНОСИТЕЛЬНАЯ ХРОНОЛОГИЯ ПРОЦЕССОВ ПАЛАТАЛИЗАЦИИ ПРАБАЛТИЙСКИХ *k И *g В ЛАТЫШСКОМ (ареальная интерпретация)*

Основной целью данной работы является ареальная интерпретация процессов палатализации прабалтийских велярных в латышском языке при учете данных относительной хронологии. Выдвигаются предположения, что (а) результаты латышских палатализаций (1) прабалт. *k > c и (2) латышск. *k > ḳ (среднеязычный звук, близкий по произношению мягким k' и ḳ') совпадают с древнекривичскими континуантами рефлексов 1-й и 2-й палатализаций; что (б) результаты прабалтийские и праславянские *-skj-, *-sk' и *-zgj-, *-zg' в латышском языке и в древнекривичском диалекте произносились одинаково как [ш'т'] и [ж'д'] соответственно. Такое состояние сохраняется в современном латышском литературном языке и в западных латышских говорах вообще. В восточнолатышских же говорах позднее происходит вторая аффрикатизация ḳ > č (после XIV века), являющаяся (в) общим процессом в восточнолитовских (аукштайтских говорах.)

0. ВВЕДЕНИЕ

0.0. В балтистике используется иногда термин «аффрикатизация». Учитывая, что в дальнейшем речь будет идти о сравнении со славянскими 1-й и 2-й палатализациями, мы будем в данной работе для латышского материала применять термин «палатализация».

0.1. Данная статья посвящена относительной хронологии палатализации прабалтийских велярных *k и *g, а также ареальной интерпретации затронутых процессов. Фонетические изменения разделяются на абстрактные этапы и рассматриваются раздельно на каждом из данных этапов.

0.2. В настоящем исследовании не обсуждаются внутренние причины палатализации. Цель данного исследования – сравнение небольших отрезков в относительной хронологии фонетических изменений двух соседних языков. Выявленное в ходе исследования сходство этих отрезков не может быть объяснено как случайное, поскольку одинаковая последовательность и одинаковые результаты фонетических изменений сводят фактор случайности к минимуму. Кроме того, контакты между древнерусскими и древними латышскими племенами засвидетельствованы как исторически (см., например [Назарова 2002]), так и лингвистически [Seržant 2006]. Таким образом, мы приближаемся к установлению «внешних причин» определенного фонетического процесса, являющихся зачастую основным катализатором при выборе среди потенциальных сценариев, к которым язык предрасположен в силу внутренних/системных причин [Чекман 1981]. Как и в любой другой работе по языковой интерференции в области фонетики древнего периода, для языков, засвидетельствованных только в письменных памятниках, мы будем опираться на фонетическую реконструкцию обсуждаемых фонем, вследствие чего их идентичность может быть доказана только теоретически.

Вообще говоря, даже для современных языков исключение случайности сходства определенных фонетических явлений в двух соседних языках, особенно когда речь идет

* Выражаю признательность проф. А. Хольфуту за обсуждение данной статьи и замечания по некоторым вопросам. Я также очень благодарен П.М. Аркадьеву (Москва) за стилистические замечания.

о частых, встречающихся повсеместно («тривиальных») фонетических переходах, может быть очень затруднено или даже невозможно. Как уже было подчеркнуто в [Сержант 2005: 39–40], основным способом устранения возражений о возможной случайности сходства двух определенных фонетических переходов в соседних языках может быть установление относительной хронологии фонетических переходов в этих языках. Если же в этих хронологических цепочках окажутся общие отрезки, т.е. целый ряд переходов, прошедших в одинаковом порядке в обоих языках, то в таком случае, – даже если речь идет о «тривиальных» фонетических переходах, – случайное совпадение становится маловероятным (обратно пропорционально длине/плотности схожих отрезков).

Следуя этой методике мы надеемся доказать **неслучайность сходства рефлексов 1 и 2 палатализаций в древнем кривичском диалекте и пралатышском языке.**

ПОЭТАПНОЕ РАССМОТРЕНИЕ

1 этап (пралатышский):

1.1. Описание этапа

В пралатышском произошел переход прабалт. $*k$ перед гласными переднего ряда, а также перед $*j$ в c ($*g > dz$, аналогично), т.е. $*k + E > *c' > c$, $*k + i > *c' > c^1$. Очевидно, что, по крайней мере, изначально такое $*c'$ должно было быть смягченным. Итак, для пралатышского мы можем установить следующую систему:

Пралатышский $k \ c'$

Для удобства в данной работе мы будем называть этот процесс Первой латышской палатализацией (1Пл).

1.2. Ареальная интерпретация

Результат данного перехода полностью соответствует 1Пл в древнем западнорусском диалекте кривичей. Не вдаваясь в детали отметим², что, как показывают берестяные грамоты (с XI в.) результаты палатализации перед «первичными» (т.е. исконными, не возникшими в результате монофтонгизации и пр.) палатальными гласными, а также перед $*j$ следует учесть еще переход праслав. $*k > c''$ [ц''] [Зализняк 1995: 34] – некоторое различие лишь в степени мягкости, которая, однако, является результатом теоретических соображений, а не засвидетельствована реально (например, в специальной графеме или в современных псковских говорах). Аналогично, точное фонетическое звучание пралатышского $*c'$ не восстанавливается, т.е. вероятно, что здесь и не было отличий от древнекривичского рефлекса.

2 этап (общелатышский):

2.1. Описание этапа

В ходе дальнейшего развития в пралатышском появляются новые фонемы: в связи с некоторыми фонетическими изменениями, возникновением новой (аналогической) e -ступени в корне, например: $*k'ert$ «хватать» из $*-kart$ ($aiz-kārt$ «вешать») по аналогии с синонимичным латышск. $īvert$ «держать» [Endzelīns 1951: 186], а также вхождения в пралатышский язык ряда заимствований из литовского, немецкого языков и древнекуршского диалекта; в пралатышском появляются новые смягченные велярные фонемы $*k'_2$ и $*g'_2$ [условно, эти новые $*k'$ и $*g'$ мы будем обозначать с индексом 2, чтобы отличать их от древних, восточнобалтийских $*k'$ и $*g'$, прошедших 1Пл, например c в $celt$ из $*k'$ (см. выше § 1) и k в $kert$ из $*k'_2$]. К этому времени 1Пл фонетически и фонологически уже больше не действует, что видно из того, что эти новые палатализованные $*k'_2$ и $*g'_2$ с

¹ Здесь и далее E – палатальный контекст, т.е. палатальный гласный или $-j-$, A – непалатальный контекст, т.е. не E .

² При этом, не исключается возможность, что и в пралатышском и пракиривичском данный рефлекс был $*c'$, который лишь впоследствии (под влиянием прибалтийскофинских языков?) перешел в $*c' > c$. Ср. сноску 4.

восточнобалтийскими, древними $*k' > c$ и $*g' > dz$ не совпадают (например, ср. *celt* и *kērt*), а развиваются совсем иначе.

Хронология	Древние фонемы	Новая фонема
0. Пралатышский: $*k$	$*c'$	$(*k)$
1. Поздний Пралатышский: $*k *c' + E/$ $+ A *c + A$		$*k' > [k' \sim t']$ $+ E (A)$

(звонкие корреляты – аналогично)

2.2. Фонетическая форма фонем $*k'_2$ и $*g'_2$

Итак, как уже отмечалось выше, в пралатышском языке возникают вследствие различных причин новые фонемы $*k'_2$ и $*g'_2$. Для сравнения этих пралатышских фонем с соответствующими древнекривичскими фонемами необходимо рассмотреть данные современных латышских диалектов (верхнелатышского, ливонского и среднелатышского диалектов), чтобы наиболее точно определить их пралатышское произношение.

2.2.1. Данные верхнелатышского диалекта

Данные фонемы отображаются в современном латгальском наречии, относящемся к верхнелатышскому диалекту, как *č* и *dž* соответственно (см. ниже § 4). Как указал П. Аристе [Ariste 1978: 121], процесс аффрикатизации $k' > č/g' > dž$ обычно проходит через стадию t' / d' . Таким образом, реконструкция праверхнелатышского произношения свидетельствует в пользу палатализованного велярного, или палатализованного дентального: $[k' \sim t']$.

2.2.2. Данные среднелатышского и ливонского диалектов

В современных среднелатышском и ливонском диалектах данные фонемы произносятся как средненебные $[k']$ и $[g']$.

Рассмотрения указанных диалектов также свидетельствуют в пользу реконструкции поздне-общелатышского произношения $[t' \sim k'] / [d' \sim g']$ на месте $*k'_2 / *g'_2$. Как представляется, именно на относительно-хронологическом этапе позднего пралатышского языка промежуточная стадия $[t' \sim k'] / [d' \sim g']$ должна была быть достигнута: с одной стороны, в среднелатышских и ливонских говорах сегодня произносится средненебный звук, близкий к дентальному $[t'] / [d']$, а, с другой стороны, этот звук на письме всегда (начиная с текстов немецких пасторов, самые ранние переводы которых на латышский язык восходят к XVI в.) ассоциировался с графемами *k / g*; ср. также современное обозначение латышского литературного языка: *k/g̃*. Его фонетическая особенность объясняется особенностью развития палатализованных согласных в этих диалектах вообще (об этом подробнее см. [Ābele 1940: 218]).

2.2.3. Данные заимствований

В пользу древней стадии, близкой произношению $*t' / *d'$, свидетельствуют заимствования из древнерусских говоров: *suog̃is* < др.-русс. *соудън*, где др.-русс. *-d'* - отображается через фонему *g̃*, аналогично *luḡis* (диал.) из др.-русс. *лодыа* [Endzelin 1899: 297], *ḡeguots* (диал.) из русск. *деготь* [Endzelin 1899: 299], *ḡerīt* «reißen, zupfen» из русск. *дер-* (ср. *деру*, *дерешь*). Ср. также литер. *kūķes*, верхнелатышск. (Kalupe) *kīuķi* (*vokors*) «пред-рождественский вечер» из др.-русс. *коу҃тня* [Эндзелинъ 1899: 306].

2.2.4. Восстанавливаемая фонетическая форма

Обобщая данные современных среднелатышского и ливонского (западных) диалектов (§ 2.2.2), где, на наш взгляд, сохранилось древнее произношение (эти диалекты находились в контакте с языками, для которых чужда аффрикатизация палатализованных согласных, т.е. с ливским и нижненемецким³, данные восточнославянских заимствоза-

³ Аналогичная ситуация, кстати, и в литовском языке, где нижнелитовский (жемайтский) диалект сохранил древние, не претерпевшие аффрикатизацию, мягкие дентальные t' и d' на месте литературных, восточнолитовских (аукштайтских) *č* и *dž*.

ний (§ 2.2.3) указывают на близость данных звуков произношению [t'] / [d']), мы предполагаем древнее произношение данных фонем как звуков, находившихся в диапазоне между $k' \sim t'$ и $g' \sim d'$ соответственно.

2.3. Ареальная интерпретация

2.3.1. Переход фонем $*k'_2$ и $*g'_2$ в звуки, находящиеся между звуками [k'] (древнее) и [t'] (позднее), соответствует результатам «неосуществленной» 2-й славянской палатализации в диалекте древних кривичей. Здесь общеслав. $*k$ и $*g$ перешли в [k'] и [g'] [Зализняк 1995: 37]. Произношение этих фонем в древнекривичском было, по-видимому, близко также и соответствующим мягким дентальным коррелятам, ср. примеры древненовгородского написания -жг- на месте церковнославянского -жд- и -цг- на месте [ш'к'], приведенные ниже в § 2.4. Возможно, что реликты данного произношения ([k'] $\sim$ [t']) сохраняются в говорах севернее района Пыталово, находим где *рут'и* (вместо *руки*), *палт'и* (вместо *палки*) (ср. [ДАРЯ 1986: 68]).

Само по себе смягчение $*k'_2$ и $*g'_2$, естественно, еще не может однозначно указывать на общность данных процессов в пралатышском языке и кривичском диалекте. Доказательным аргументом, на наш взгляд, является относительная хронология:

- (i) в обоих языках возникают палатализации велярных перед палатальными гласными, при этом их результаты совпадают: $*k' + E > c' / c''$, при этом данный переход является в обоих языках одним из древнейших среди всех фонетических переходов⁴;
- (ii) в обоих языках возникает новая последовательность $*k$ и $*g$ перед палатальным гласным, не относящаяся к последовательности (i);
- (iii) в обоих языках эта новая последовательность дает опять одинаковый в обоих языках результат, но отличный от (i), т.е. $*k' + E > k' \sim t'$, $*g' + E > g' \sim d'$.

Позднее в обоих языках данная фонема в ее фонетическом облике (iii) сохранилась, практически, не изменившись, с той только разницей, что в пространстве русского языка она оказалась в диалектной зоне (в говорах псковской группы), а в Латвии в зоне среднелатышского диалекта, т.е. в зоне диалекта, легшего в основу литературного языка. В связи с этим в современных северо-западных русских говорах лексемы с [k] на месте 2-й палатализации не имеют регулярного характера⁵, а в литературном латышском языке данная фонема представлена, естественно, во всех этимологических позициях в обозначении *k*. Специфика произношения данного звука (среднеязычный, между $t \sim k$) определяется развитием палатализованных согласных в этом диалекте [Äbele 1940: 218].

Различие кривичского и пралатышского хронологических отрезков (i)–(iii) в развитии фонемы [k] состоит только в том, что само условие для второй палатализации (ii) возникало различными путями: в латышском это связано с введением новых фонем [k'_2] (а также [g'_2]), в славянских же языках – с появлением новых палатальных гласных из праславянского дифтонга $*oi$ ($* < \text{и-е. } *ai, *oi, *āi, *ōi$). Кроме того, важно отметить, что

⁴ Известно, что общеславянская I палатализация дала во всех славянских языках $\check{c}$. Поскольку кривичский диалект является генетически диалектом древнерусского языка, т.е. разделяющим с древнерусским языком целый ряд исключительно восточнославянских инноваций (утрата носовых, полногласие и др., а также ряда морфологических инноваций, ср., например, список в [Крысько 1998: 82–83], представляется более вероятным предположение не древнего отличия ($*k > \check{c}'$) от общеславянского рефлекса палатализации $*k > \check{c}'$, а более позднее изменение общеслав. $*\check{c}$ в $*c'$, прошедшее уже после распада восточнославянского единства. Именно в этом контексте следует рассматривать сходство пралатышского с кривичским диалектом в (i).

⁵ Ср. некоторые примеры: *кеп* «цепь», *кевь*, *кевка* «цевка», «шпилька», *кедить* «цедить» и др. [Зализняк 1995: 37].

рефлексы 1-й палатализации в пралатышском языке и др.-кривичском диалекте совпадают только для глухой фонемы: в пралатышском – звонкий и глухой велярные $*k' > c$ $*g' > dz$ (латышск. *celt*, *dzimt*: ср. лит. *kelti*, *gimti*) развились одинаково, в кривичском же диалекте только праслав. $*k > *č' > c$ (1 Пл), при праслав. $*g > ž$ (1 Пл).

2.3.2. Представленная здесь схема развития (i–iii) не может претендовать на полную точность в фонетическом определении данных фонем (в пралатышском) или аллофонов фонемы [k] (в кривичском диалекте) для каждого реконструируемого этапа. Эта схема сходства не запрещает, например, принятия для обоих языков первоначального рефлекса $*č'$ (как и в остальных славянских языках) для 1-й палатализации и c' для 2-й палатализации, изменившихся затем под влиянием прибалтийско-финского субстрата в засвидетельствованные в памятниках и берестяных грамотах c'' и k' соответственно. Мало того, именно такой вариант нам представляется наиболее вероятным (ср. сн. 4). Общее развитие в древнем кривичском диалекте и в пралатышском связано с общим для этих языков прибалтийско-финским субстратом (ср. [Лыткин 1961: 81 и сл.]). Данные фонетические изоглоссы (наряду с рядом заимствований X–XII вв., см. [Seržant 2006]) должны рассматриваться как свидетельство древних контактов в восточнобалтийском ареале⁶.

2.4. Появление сочетаний: псковск.-новг. [ж'д'], [ш'т'] и латышск. *šk*, *žg* на месте $*zgj$, $*zg'$, $*sk$, $*skj$

Среди псковско-новгородских инноваций В.Б. Крысько [Крысько 1994: 33] отмечает возникновение произношения [ж'д'] на месте праслав. $*zgj$, $*zg'$, $*zdj$ и, аналогично, [ш'т'] на месте праслав. $*skj$, $*sk'$, $*stj$ (подробнее см. [Зализняк 1995: 39–40]), обозначавшиеся на письме новгородско-псковских памятников как жг и щ соответственно [Крысько 1994: 34, 36]⁷. В латышском языке пралатышские группы $*-sk-$ и $*-zg-$ перед палатальными гласными переходят регулярно в *šk* и *žg* соответственно, ср. латышск. *režģis* и литовск. диал. *rēzgis*, латышск. *škelt* и литовск. *skelti*. Данные *šk* и *žg* произносятся сегодня с твердой первой составляющей и средненебной, близкой [k'] и [t'] (звонкий коррелят – аналогично) второй составляющей: [šk' ~ št'] и [žg' ~ žd']; при этом представляется неоспоримым, что отверждение составляющих [š-] и [ž-] вторично. Для пралатышского можно предположить звуки, аналогичные псковско-новгородским [ж'д'] и [ш'т'].

Отождествив пралатышские сочетания *šk* и *žg* с древнекривичскими [ж'д'] и [ш'т'] с точки зрения их фонетической формы, следует показать, что и в относительной хронологии обоих языков ничто не препятствует их окончательному отождествлению.

Как в пралатышских, так и праславянских сочетаниях $*sk'$, $*skj$, $*zg'$, $*zgj$ велярный $*-k'$, $*-kj$, $*-g'$, $*-gj$ находится в позиции 1-й славянской resp. «1-й пралатышской» палатализации. Принимая «интеграционное» объяснение кривичских рефлексов палатализаций (как и в § 2.3.1, сн. 4), предполагаем одинаковый рефлекс 1-й палатализации для отдельно стоящих $*k'$, $*kj$, $*g'$, $*gj$ и для велярных, находящихся в сочетании с $*s-$ [Isačenko 1969: 110; Крысько 1994: 33]. В этом случае псковско-новгородские рефлексы [ж'д'], [ш'т'] могут рассматриваться как непосредственный результат депалатализации [Le Feuvre 1996: 257] или упрощения [Arumaa 1976: 31; Крысько 1994: 35] правосточнослав. $*š'č'$, $*ž'd'ž'$ подобно тому, как это произошло в современном чешском и в некоторых словацких говорах, ср. чешск. *štípatí* наряду с

⁶ Об этой зоне как особой внутри циркумбалтийских («Circum-Baltic languages») языков см. подробнее [Mathiasen 1985].

⁷ О том, что графемы жг (рожьгыгъ < $*-zg'-$) и щ (на дъще = [дъш'к'ё] < [дъск'ё]) обозначали звуки [ж'д'] и [ш'т'], соответственно, свидетельствуют следующие написания: Тимошѣ (< Тимошкѣ), повѣжгенѣ (со старослав. $*-жа-$ < $*-dj-$) [Зализняк 1986: 116–117; 1995: 40; Крысько 1994: 33–36; 1998: 83].

польск. *szczepac*⁸⁻⁹. Таким образом, возникновение самих сочетаний [ж'д'], [ш'т'] должно соотноситься с древнекривичским периодом. В латышских сочетаниях *šk* и *žg* мы также не находим отражение «1-й пралатышской палатализации», т.е. **šc/*sc*, **ždz/*zdz*. Данный факт, теоретически, может объясняться по-разному:

- (а) *šk* и *žg* являются результатом дальнейшего фонетического развития предполагаемых древних **šc / *sc*, **ždz / *zdz*, подобно тому как кривичские [ж'д'], [ш'т'] являются поздним развитием восточнослав. **š'č'*, **ž'd'ž'*;
- (б) прабалт. **sk'*, **zg'* не были затронуты «1-й пралатышской палатализацией», а изменились уже в период возникновения *k* и *g*, когда эти звуки заменили все возникшие заново (после палатализации) **k'* и **g'*.

Учитывая отсутствие каких-либо непосредственных источников данных (пра)латышского языка до XVI века, представляется довольно трудным найти аргументы в пользу большей вероятности варианта (а) или (б). Однако для доказательства взаимного влияния в данном случае между пралатышским языком и кривичским диалектом достаточно, на наш взгляд, имеющихся фактов:

- (i) одинаковое фонетическое звучание как континуантов, так и исходных сочетаний;
- (ii) завершение процесса в обоих языках в пра- или древнекривичский период, или, с точки зрения относительной хронологии, значительно позже 1-й славянской (и латышской) палатализаций.

3 этап (правверхнелатышский):

	(i)	(ii)	(iii)
2. Поздний Пралатышский:	<i>*k</i>	<i>*c' + E /</i>	<i>*k' > *t'</i>
	+ A	<i>*c + A</i>	+ E (A)

3.1. Фонема (iii)

Сюда же, вероятно, относится и заимствование *griķi* (из которого далее диал., под влиянием ливского и/или эстонского языков возникла *kriķi*, и диссимилированное *driķi*). Данная лексема, как показала в своей статье В. Рукс-Дравина [Rūķe-Draviņa 1964], в которой основательно разобрано ее распространение в восточной Европе с привлечением, кроме лингвистических¹⁰, также археологических и исторических данных была заимствована в латышские говоры именно из древнерусского, около XI–XII вв. [Rūķe-Draviņa 1964: 125]. В русском языке она известна лишь с основой на аффрикату: *греча*, *гречка*, *гречуха*, *гречиха*. Данная аффриката в древнепсковском (кривичском) диалекте должна была произноситься как мягкое [с''] [Зализняк 1995: 34], т.е. **grьс''*-, которое было передано правверхнелатышскому *k*, видимо, к тому времени, когда здесь уже начиналась аффрикатизация, которая впоследствии дала [č' / č]. Таким образом, данное заимствование доказывает стадию правверхнелатышского звука на месте **k₂'* как [t'] и [с'' = ts']¹¹.

⁸ За типологическую параллель я благодарен Акселю Хольфуту (Axel Holvoet, Вильнюс – Варшава).

⁹ Нам кажется вариант, предложенный К. Лёфёвр [Le Feuvre 1996], т.е. депалатализации, а не упрощение типологически более обоснованным, т.к. аффрикатизация велярных в языках мира проходит именно через стадию *m'*, *ð'*, и лишь завершающим этапом аффрикатизации являются [т'ш'], [д'ж'], ср. лат. *g' >* общероманск. *d'* (после VI в. на территории Галлии), затем *g' > dž*: *gentem > jente > d'ente > džent* [Серебренников 1974: 132]. Именно на такую хронологию указывает и П. Аристе [Ariste 1978: 121].

¹⁰ Так, например, очень важное указание на то, что польская форма *gryka* не может быть древней, так как в ней отсутствует палатализация, ср. *krzyształ* (< *kristal*) [Rūķe-Draviņa 1964: 126], а следовательно, не могла быть источником распространения данного слова в Прибалтике.

¹¹ Вокализм объясняется заимствованием из говора, в котором редуцированные еще сохраняли свое праслав. качество, т.е. ударенное *-i-* еще не перешло в *-é-*.

Следовательно, начало второй аффрикатизации в праверхнелатышском, т.е. $*k_2' > *t' > *ts'$ ($*g_2' > *dz'$ аналогично) может быть датировано, примерно, XII веком.

Итак, в праверхнелатышском началась аффрикатизация $*t' > *ts'$. На этом, древнем этапе развития праверхнелатышского, видимо, и произошло совпадение $*c'$ (фонема (ii)) и данного аффрикатизированного $*ts'$ (фонема (iii)) в некоторых лексемах в латышских говорах, вероятно, под влиянием соседних славянских говоров [Семенова 1959: 600], где появляется современный феномен цоканья, т.е. совпадение рефлексов 1-й и 2-й славянских палатализаций (а также 3-й, что здесь несущественно) в единой фонеме $[c'] / [c]$, распространенный в той или иной форме (т.е. как $[c']$ или $[c]$), практически, на всей русской территории, прилегающей к Латвии, за исключением южной части границы (ср. [ДАРЯ 1986: 45]). На такое совпадение указывают сохранившиеся по сегодняшний день пары, свидетельствующие как бы о «латышском цоканье» с c на месте латгальского $č$ (/ гиперкорр. k' : фонемы iii и iv) или литерат. k : ср. $č$ на месте среднелатышск. c : *kiba* в Alūksne, Stāmeriene, Litene, Beļava (с гиперкорректным k вместо латгал. *čiba*) (засвидетельствовано в [Endzelīns 1951: 188]) и, с другой стороны, стандартное среднелатышское / литер. *ciba*; *ķeipšlas* вместо *cīpsla* Aknīste, *couška* вместо *čūška* Arukālns [Brencis 1914: 131]; ср. также произношение города «Печеры» псковской области недалеко от границы с Латвией в Alūksne₄₆₅ *Peķeras* [Pei'eras], в Arukālns_{385, 384, 386, 387} *Peceras* [Brencis 1914: 131], ср. другие примеры в работе [Семенова 1959: 600], впервые указавшей на взаимосвязь данного феномена в латышских говорах с аналогичным явлением в соседних русских (а также некоторых белорусских) говорах.

4 этап

4.0. Далее происходил переход $*t^s > č'$. Вероятно, что аффрикатизация была распространена только в Латгалии [Сержант 2005: 83], т.е. не являлась общим верхнелатышским переходом:

Фонема (iii) ($*k_2' > *t' >$)

3. Верхнелатышский/Латгальский

$č' + E$

$č' + A$

4.1. Фонема (iii)

Данное состояние, при котором во всех случаях $k > č / ģ > dž$, сохранилось, например, в Līvāni [Latkovskis 1940: 139], Slate [Āboliņa 1927: 139]. На северо-востоке $č$, $č'$ и $dž$, $dž'$ произносятся как $[t']$ и $[d']$ соответственно, т.е. как сильно палатализованные t и d [Ābele 1940: 213]. В описаниях данной группы говоров эти звуки поэтому часто обозначаются через графемы k , $ģ$ (так в [Brencis 1914: 131]). Принимая во внимание указание Аристе [Ariste 1978: 121], что переход $k' > č$ обычно проходит через стадию t' , можно предположить, что в группе говоров Alūksne, Arukālns мы имеем переходную стадию. Интересно отметить, что в небольшой группе русских говоров Псковской группы, граничащих именно с данным районом верхнелатышских говоров (т.е. с северо-востоком Латвии и, частично, с юго-западом Эстонии) присутствует мягкое цоканье, т.е. звук c' (кирил. $ц'$) на месте литер. $ч'$ и $ц$, восходящих в свою очередь также к праслав. мягкому $*k'$ (ср. [ДАРЯ 1986: 64 (II)], где $ц' ай$, $улиц' а$ на месте $чай$, $улица$).

Отверждение фонем $č' / dž'$ перед непалатальным гласным ($č' + A > č + A$), видимо, весьма поздний процесс и, вероятно, был обусловлен влиянием литературного (среднелатышского) произношения, собственно, как и ретроградное развитие $č > k'$. В таких говорах палатализованные k' и g' приобретают фонемный статус [Брейдак 1981: 87–88]. Отверждение наблюдается в центрально-восточной части Латгалии (Kaunata, Ezernieki, Dagda, Kārsava, Mērdzene, Cibla и др.) [Брейдак 1981: 86–87; 1994: 158–161].

Поскольку $č$ из k и $č$ из $*c_j$ совпали в $č$ в латгальских говорах, то здесь под влиянием литературного произношения происходит смешение. Имитируя литературное произношение, латгалец не может определить, на месте каких именно $č$ он должен произносить

литературное *k* (которое он произносит как [k']), ср. *kaumala* вместо литер. *čaumala* (Elkšņi), *kukērs* вместо литер. *kučeris* (Ābeļi) [Endzelīns 1951: 188].

4.2. Ареальная интерпретация

Как представляется, данный процесс аффрикатизации $*t' > \check{c}$, $*d' > d\check{z}$ был общим с литовским аукштайтским процессом аффрикатизации, где прабалт. $*t' > \check{c}$, $*d' > d\check{z}$. О том, что данный процесс относительно поздний в истории литовского языка свидетельствует тот факт, что он не охватывает всей территории литовского языка, а только лишь его аукштайтские говоры. Так, Зинкявичюс [Зинкявичюс 1981: 94; 1987: 69] предполагает на основе данных литовской ономастики в иноязычных летописях, что данный переход в говорах литовского языка прошел не ранее XIV–XV вв. Кроме того в пользу данного утверждения свидетельствуют некоторые заимствования из восточнославянских говоров, которые как в верхнелатышский (аукшземниекский) так и в верхнелитовский (аукштайтский) диалекты попали до процесса аффрикатизации в этих диалектах:

- очень важным аргументом в пользу общего процесса $*t' > \check{c}$, $*d' > d\check{z}$ представляет собой заимствование из др.-русск. *соудъи, соудья*, которое дало в среднелатышском (литер.) *suogis* (что соответствовало бы стандарт. верхнелатышскому $*sūd\check{z}(i)s$) где др.-русск. $-d'$ - отображается в латышск. литер. *suogis*, а в литовском аукшт. *sūdžā* «idem», возникшим, естественно, из $*sūd'(j)a$; аналогично латышск. *kuoki, kūki* соответствуют лит. аукшт. *kūčios* из русск. *кутья* [Būga 1961: 98];
- относительно позднее заимствование из русск. / белорусск. (ном. sg. *молодецъ*) gen. sg. *молодца* [molots'a] в лит. *malāčius* (засвидетельствовано в Dus., [Būga 1925: 36]), латышск. литер. *malacis* с обобщением основы косвенных падежей [molots'-]. В основе заимствованного слова было скорее всего мягкое *ц'*, которое еще не отвердело как в современных псковских и западных белорусских говорах. Заимствование произошло к периоду после вост.-славянского полногласия ($*mald- > molod-$), а также после падения редуцированных гласных (т.е. др.-русск. $*\text{молодьца} > \text{молодца}$), т.е. не ранее, чем во второй половине XII века (ср. [Kiparsky 1963: 98]), что объясняет глухость звука в латышском и литовском языках. Сюда же *čerčius* из белорусск. gen. sg. *чепа* [Būga 1925: 53].

ВЫВОДЫ

Суммируя вышеизложенные выводы, процессы палатализации/аффрикатизации в пралатышском языке и (позднее) в верхнелатышском диалекте можно представить на следующей таблице:

	Общий с др. кривичским диал.		Общий с литовск. Общий с литовским аукштайтским диал.
доисторич.	$*k' > c'$ (1 Пл)		
до XIII в.		$*k' > k'$ (2 Пл)	
XIII–XIV вв.			$k' > *t' > \check{c}$

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Брейдак 1981 – А.Б. Брейдак. Некоторые особенности фонематической подсистемы согласных в глубинных говорах Латгалии // Вяч.Вс. Иванов (ред.). Балто-славянские исследования. Москва, 1981.
- Брейдак 1994 – А.Б. Брейдак. Фонематическая подсистема согласных глубоких говоров Латгалии: Центрально-Восточный вариант // Baltistica XXIX. 2. 1994.

- ДАРЯ 1986 – Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части СССР. 1–3. М., 1986.
- Зализняк 1986 – А.А. Зализняк. Новгородские берестяные грамоты с лингвистической точки зрения // В.Л. Янин, А.А. Зализняк. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977–1983 гг.). Комментарии и словоуказатель к берестяным грамотам (из раскопок 1951–1983 гг.). М., 1986.
- Зализняк 1995 – А.А. Зализняк. Древненовгородский диалект. М., 1995.
- Зинкявичюс 1981 – З.П. Зинкявичюс. К вопросу о генезисе литовских диалектов // Проблема этногенеза и этнической истории балтов. Тезисы докл. Март, 1981. Вильнюс, 1981.
- Крысько 1994 – В.Б. Крысько. Заметки о древненовгородском диалекте (II. Varia) // ВЯ. 1994. № 6.
- Крысько 1998 – В.Б. Крысько. Древний новгородско-псковский диалект на общеславянском фоне // ВЯ. 1998. № 3.
- Лыткин 1961 – В.И. Лыткин – ИАН ОЛЯ. 1961. № 1: Рец.: В.Г. Орлова. История аффрикат в русском языке в связи с образованием русских народных говоров. М., 1959.
- Назарова 2002 – Е.Л. Назарова. Псков и Ливония в 40–90 гг. XIII в. // Civitas et Castrum ad Mare Balticum, Baltijas arheoloģijas un vēstures problēmas dzelzs laikmetā un viduslaikos. Rakstu krājums, veltījums LZA īstenajam loceklim Prof. Dr. habil. hist. Andrim Caunem 65 gadu dzīves jubilejā. Rīga, 2002.
- Семенова 1959 – М.Ф. Семенова. По поводу двух фонетических явлений русских и латышских говоров Латгале // Rakstu Krājums, Veltījums Akadēmiķim Profesoram Dr. Jānim Endzelīnam viņa 85 dzīves un 65 darba gadu atcerei. Rīga, 1959.
- Серебренников 1974 – В.А. Серебренников. Вероятностные обоснования в компаративистике. М., 1974.
- Сержант 2005 – И.А. Сержант. Относительная хронология основных фонетических изменений в истории верхнелатышского диалекта // Acta Linguistica Lithuanica. LIII. 2005.
- Чекман 1981 – В. Чекман. О лингвогеографических аспектах диахронических изменений в фонетике // Baltistica XVII. № 2. 1981.
- Эндзелин 1899 – Эндзелин. Латышскія заимствованія изъ славянскихъ языковъ // Живая Старина. Журнал о русском фольклоре и традиционной культуре. 3. 1899.
- Arumaa 1976 – P. Arumaa. Urslavische Grammatik. Bd. II. Heidelberg, 1976.
- Ariste 1978 – P. Ariste. Gibt es ein wotisches Sprachsubstrat im Ostlettischen? // Baltistica. XIV. 2. 1978.
- Ābele 1940 – A. Ābele. Slavismi (?) mūsu augšzemnieku konsonantismā // Filoloģu biedrības raksti. XX. 1940.
- Ābloina 1927 – O. Ābloina. Susējas pagasta izloksne // Filoloģu biedrības raksti. VII. 1927.
- Brencis 1914 – E. Brencis. Nuovēruojumi nuo alūksniešu izluoknes // Rakstu krājums. 17. 1914.
- Būga 1925 – K. Būga. Die litauisch-weißrussischen Beziehungen und ihr Alter // Zeitschrift für Slavische Philologie. Bd. I. 1925.
- Būga 1961 – K. Būga. Lietuvių tauta ir kalba bei jos artimieji giminaičiai // Rinktinai raštai. T. III. 1961.
- Endzelīns 1951 – J. Endzelīns. Latviešu valodas gramatika. Rīga, 1951.
- Isačenko 1969 – V.A. Isačenko. The development of the clusters *sk*, *zg* etc. in Russian // Scando-Slavica. V. XV. 1969.
- Kiparsky 1952 – V. Kiparsky. The earliest contacts of the Russians with the Finns and Balts // Oxford Slavonic Papers. V. III. 1952.
- Kiparsky 1963 – V. Kiparsky. Russische historische Grammatik. Bd. I: Die Entwicklung des Lautsystems. Heidelberg, 1963.
- Latkovskis 1940 – L. Latkovskis. Līvānu izloksne // Filoloģu biedrības raksti. 1940.
- Le Feuvre 1996 – C. Le Feuvre. La seconde palatalisation des vélaires en slave oriental : le cas particulier des vélaires en groupe // BSLP. V. XCI. Fasc. 1. 1996.
- Mathiassen 1985 – T. Mathiassen. A discussion of the notion «Sprachbund» and its application in the case of the languages in the eastern Baltic area // International journal of Slavic philology. 21–22. 1985.
- Rūķe-Draviņa 1964 – V. Rūķe-Draviņa. Die Expansion der russischen Buchweizenbenennungen nach Westen // Scando-Slavica. X. 1964.
- Seržant 2006 – I.A. Seržant. Die Vermittlungsrolle des Hochlettischen bei den altrussischen und litauischen Entlehnungen im Lettischen // Acta Linguistica Lithuanica. V. LV. Vilnius, 2006.